

ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ЯВЛЕНИЙ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
НРАВСТВЕННОСТИ

Ответственные редакторы

А. Л. Журавлев,
А. В. Юревич

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Психология социальных явлений

Сборник статей

**Психологические
исследования нравственности**

«Когито-Центр»

2013

УДК 159.9
ББК 88

Сборник статей

Психологические исследования нравственности / Сборник статей — «Когито-Центр», 2013 — (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0276-4

В четвертом сборнике научных работ сотрудников Института психологии РАН, посвященных психологии морали и нравственности, рассмотрены общие психологические основы этих феноменов, а также морально-психологические аспекты конкретных социальных проблем современного российского общества, таких, как представления о добре и зле, криминализация, коррупция, неравенство доходов, наркозависимость и др.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0276-4

© Сборник статей, 2013
© Когито-Центр, 2013

Содержание

Введение	6
Часть I	10
Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе	10
Макропсихологический подход к пониманию духовно- нравственного выбора личности	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Психологические исследования нравственности

Ответственные редакторы А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Российская академия наук
Институт психологии

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2013

Введение

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Настоящая книга продолжает серию ежегодных изданий Института психологии РАН, посвященных психологическим аспектам морали и нравственности. Это четвертый сборник научных трудов данной серии.

С удовлетворением можно констатировать, во-первых, то, что эти издания стали регулярными, отражающими исследовательские усилия расширяющегося контингента отечественных психологов, которые профессионально изучают – с позиций своей отрасли психологической науки – проблемы морали и нравственности, во-вторых, то, что за последние годы психология морали/нравственности превратилась в одно из признанных и успешно развивающихся научных направлений отечественной психологии. Ее основными разделами, наиболее развитыми в настоящее время, являются: 1) общие психологические проблемы морали и нравственности; 2) социально-психологические механизмы формирования и распространения в обществе различных видов морали; 3) механизмы интериоризации моральных устоев и их трансляции на уровень индивидуальной нравственности; 4) нравственно-психологическое состояние современного российского общества; 5) морально-психологические основы негативных социальных явлений; 6) поиск путей повышения нравственного уровня личности, социальных групп и общества в целом.

Возможно, есть основания констатировать и формирование психологии аморального поведения, *психологии безнравственности* как области психологического исследования. Во-первых, в проводимых в современной отечественной психологии исследованиях приоритетное внимание уделяется не столько механизмам поддержания морали и нравственности, сколько психологическим факто-

рам их *нарушения*, различным формам девиантного – в отношении общепринятых нравственных норм – поведения. Во-вторых, как часто бывает при изучении психологических феноменов, психологические антиподы, такие как, например, оптимизм и пессимизм, счастье и несчастье и т. п., оказываются не различными полюсами одной шкалы, а феноменами, имеющими собственные (специфические) механизмы и самостоятельное значение. Безнравственное поведение, лежащие в его основе ценности, социальные установки, отношения и т. д. часто выступают не просто как соответствующие нравственные явления «со знаком минус», не как отсутствие нравственных начал, а как особая область феноменов, обладающих самостоятельным психологическим содержанием. Безнравственный человек, социальная группа или безнравственное общество представляют собой не просто человека, группу или общество, у которых редуцированы нравственные начала, а особые разновидности социальных субъектов, «нечто иное» (и гораздо худшее) как в социальном, так и психологическом плане.

Естественно, возникает вопрос о «практическом выходе» подобных исследований – прежде всего, о том, оказывают ли они какое-либо влияние на нравственное состояние нашего общества, содействуют ли как-то его улучшению?

С одной стороны, учитывая довольно скромное место, которое психологическая наука и практика занимают в современном российском обществе, в котором голоса юристов, экономистов и политологов звучат более громко и имеют намного больший общественный резонанс, нежели голоса психологов, казалось бы, пока трудно рассчитывать на их заметное влияние, сопоставимое с влиянием представителей названных социальных наук. С другой стороны, «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», а во взаимоотношениях любой науки и общества проявляется своеобразный принцип «параллельно-пересекающихся рядов». Ученые в основном работают на своем «поле»: проводят научные исследования, публикуют их резуль-

таты в научных книгах и журналах, лишь изредка выходя за его пределы путем выступлений в СМИ и т. п. А общество развивается своим собственным путем, который в современной России испытывает лишь минимальное влияние ученых и их научных представлений о путях его развития. Вместе с тем влияние науки на общество, даже на современное российское, не испытывающее перед ней прежнего пиетета, систематически недооценивается. Наука как своего рода идейная «кухня» человечества порождает идеи, идеологемы, стратегемы общественного развития, которые самыми разными и трудно рефлекслируемыми путями проникают в общественное сознание, умы политиков, государственных деятелей и других влиятельных людей, изменяя состояние общественного сознания и трансформируясь в соответствующие мнения и действия, в частности, в принятие законов. В таких случаях трудно констатировать и тем более оценивать непосредственное влияние науки, но есть все основания говорить о ее *косвенном влиянии*, характеризующемся скрытыми механизмами, но подчас вполне зримыми результатами.

Разумеется, в подобных ситуациях у ученых возникает соблазн приписать себе общественные изменения, к инициации которых они в действительности имеют весьма косвенное отношение. Совпадение того, о чем пишут ученые, с тем, что делают, скажем, политики, не означает наличия *влияния*. Но все-таки его возможность нельзя совсем списывать со счетов, и людям науки подчас удается внедрять в общественное сознание идеологемы, которые вынуждают облаченных властью предпринимать соответствующие действия.

В отношении влияния научных публикаций о нравственности на нравственное состояние нашего общества, конечно, можно сделать и пессимистический вывод о том, что это состояние не улучшается, а то и ухудшается, несмотря на все старания ученых, в том числе психологов. И для такого вывода, к сожалению, есть веские основания.

По большинству показателей, выражающих морально-нравственное состояние общества, ситуация в стране остается неутешительной. Так, в 2011 г. в России было совершено 16,8 тыс. убийств (11,7 на 100 000 тыс. жителей), насчитывалось 88522 детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, что по-прежнему характеризует нашу страну как одну из самых неблагополучных в мире по этим показателям, имеющим непосредственное отношение к нравственному состоянию общества. Коррупция, в том числе в высших эшелонах власти, поражает своими масштабами и безнаказанностью. Все более прочные позиции в нашей стране завоевывают сторонники гомосексуальных отношений, а попытки законодательно воспрепятствовать хотя бы их пропаганде вызывают яростное сопротивление. Так называемое «нетрадиционное искусство» тоже шокирует демонстративным попиранием традиционных нравственных основ. Некоторые бытовые поступки наших сограждан, такие, как гомосексуальные оргии у памятников жертвам войны, также бросают вызов этим основам.

Вместе с тем можно и важно разглядеть отдельные *оптимистические симптомы*: развитие, причем совершенно спонтанное, без какой-либо «указки свыше», волонтерского движения; еще не достигший таких размеров, как в западных странах, но все же достаточно значительный размах благотворительной деятельности (подчеркнем: в отличие от западных стран разворачивающейся в отсутствие каких-либо законов, ее стимулирующих); героическое жертвование нашими согражданами своей жизнью ради спасения чужих жизней; вроде бы совсем прозаический факт, что наши водители наконец-то начали пропускать пешеходов, причем не только тогда, когда рядом находится инспектор ГАИ; и т. д. Отрадно и то, что наше массовое сознание постепенно начинает изживать внедренное в него в начале 1990-х годов восприятие свободы как отсутствия запретов и ограничений, приходит к пониманию того, что истинная свобода представляет собой прежде всего ответственное и регулируемое социальными нормами поведение.

Но, пожалуй, самое главное состоит даже не в этих отдельных признаках возрождения нравственности, а в том, что наше общество при всем разнообразии образующих его лично-

стей, социальных групп и действующих в нем тенденций, *начинает осознавать прогрессирующую с конца 1980-х годов безнравственность как неприемлемую*. Это выражается и в возрастании численности наших сограждан, обращающихся к религии, и в принятии законов, направленных на ограничение влияния СМИ (в первую очередь, телевидения), негативное воздействие которых на нравственность общепризнанно, в борьбе властных структур и широкой общественности с такими явлениями, как детская порнография, проституция, педофилия. Результативность этой борьбы пока далека от желаемой, но, главное, она ведется все активнее, вовлекает все более широкие слои населения, хочется надеяться, назревает перелом в отношении нашего общества к безнравственности и ее наиболее радикальным проявлениям.

Разумеется, не все наше общество едино в подобных действиях и побуждениях. Почти каждое вопиющее проявление безнравственности, имеющее большой общественный резонанс, такое, как, например, «поп-молебен» в Храме Христа-Спасителя, поляризует наш социум, демонстрирует, что немалое количество людей стремятся оправдать явное зло. Но внушают оптимизм как большое число активных противников аморальных акций, так и то, что такие акции уже не оставляют основную часть наших сограждан безучастными, показывая, что *уровень толерантности к злу*, нараставший с конца 1980-х годов, явно начинает снижаться. Конечно, наша страна непредсказуема, и сейчас трудно судить о том, какая из проявляющихся в ней многочисленных и разнонаправленных тенденций возобладает в будущем. В любом случае современная Россия находится лишь в начале длинного и трудного пути к *возрождению нравственности*, но хочется надеяться на то, что этот путь ею начат.

В подобных условиях перед психологической наукой и практикой сохраняются прежние задачи: доказательство губительного влияния безнравственности на общество, изучение конкретных морально-нравственных проблем, поиск путей их решения и др. Но возникают и новые задачи, такие как выявление результативности тех мер по возрождению нравственности, которые предпринимаются в современной России, аргументация необходимости их более широкого и последовательного применения, поиск ресурсов переубеждения их противников, выявление эффективных социальнопсихологических механизмов воздействия на уровень нравственности в обществе и др.

Современная психологическая наука неизбежно в значительной мере становится участником *идеологической борьбы*, отвечая на вопросы о том, что плохо и что хорошо для нашего общества. Идеологемы, вокруг которых ведется эта борьба, хорошо известны, порождены псевдолиберальной идеологией и достаточно глубоко внедрены в наше общественное сознание в результате ее доминирования в 1990-е годы. Это идеи о том, что «запреты неэффективны», «свобода личности имеет приоритет над общественным благом», «можно все, что не запрещено законом», «значимость человека в условиях рыночной экономики предопределена тем, сколько он зарабатывает», «школа должна оказывать образовательные услуги, а не заниматься воспитанием» и т. п. Каждая из подобных идеологем имеет не только морально-нравственный, но и собственно психологический смысл, и именно психология должна выработать аргументы в решении, например, вопроса о том, нужна ли вообще система воспитания, можно ли ее построить на одних лишь поощрениях, обходясь вообще без запретов и наказаний, и других подобных проблем.

Если психологии, как ее призывает, например, С. Московичи, надлежит стать *социально релевантной* наукой, то ей следует задаваться такими, имеющими первостепенную социальную значимость вопросами, а ответы на них выносить далеко за пределы психологических лабораторий, делая их достоянием широкой общественности и активно внедряя в массовое сознание. К сожалению, в нашей стране психологическая наука пока не играет такой активной социальной роли, а на психологические по своей сути вопросы отвечают в основном не психологи, а политики и идеологи, проявляющие отчетливо выраженную заинтересованность в коррекции и даже искажении истины и не утруждающие себя научным обоснованием своих утверждений.

Данная книга, как и все предыдущие издания, посвященные морально-нравственной тематике, представляет собой сборник статей авторов, работающих как в Институте, так и в других российских научно-образовательных центрах. А ее структура, достаточно стандартная для этих изданий, включает две части, первая из которых посвящена психологическим основам морали и нравственности, вторая – некоторым социальным проблемам современной России, рассмотренным в контексте психологии нравственности. К их числу относятся такие проблемы, как представления современной российской молодежи о добре и зле, о преступлении и его участниках, влияние нравственной направленности на переживания счастья, чрезмерное неравенство доходов, наркозависимость, космополитизм, коррупция, криминализация молодежной среды и др.

Часть I

Психологические основы морали и нравственности

Три источника и три составные части поддержания нравственности в обществе

А. В. Юревич

В системе поддержания нравственности в обществе можно выделить три ключевых элемента: 1) создание и обоснование новых «моралей» (симптоматично, что в зарубежной литературе это слово часто используется во множественном числе); 2) их трансляция с социального на индивидуальный уровень, трансформация в индивидуальную нравственность; 3) понуждение членов общества к выполнению их основополагающих принципов.

Часто констатируемый кризис нравственности в современной России проявляется во всех трех компонентах этой системы.

Отсутствие какой-либо одной доминирующей морали вообще характерно для современного общества, где глобализация и прочие подобные процессы приводят к сосуществованию различных моральных систем, не разделенных, как когда-то ислам и христианство, географическими и государственными границами. В подобных условиях о так называемых «общечеловеческих» нравственных принципах можно говорить лишь как об абстракции, ибо даже наиболее непререкаемые из них, такие как «Не убий!», непререкаемы далеко не для всех (убийство «неверного» иногда поощряется). Вне религиозного контекста тоже постоянно возникают нравственные коллизии, и трудно найти нравственно окрашенную проблему, в отношении которой в современном обществе наблюдалось бы единство мнений. В большинстве же случаев – от отношения к эвтаназии до восприятия выходки «Пусси Райот» – мнения в нашем обществе радикально расходятся, и прямо противоположные позиции встречаются примерно равное число сторонников, если сопоставить нынешнюю ситуацию с наблюдавшейся и в православной, и в советской России, то можно констатировать, что относительное единство нравственных позиций, характерное для тех времен, сменилось их принципиальным расхождением по подавляющему большинству моральных вопросов¹.

1. Кризис «моралей»

Все многообразие моральных дилемм и существующих в их отношении позиций можно свести к двум знаменателям, которые соотносимы с *либеральной* и *консервативной* (названия, естественно, очень условны) идеологиями в решении нравственных вопросов. Демаркационная линия между этими идеологиями, восходящая к Дж. Локку и Т. Гоббсу, выражена в современной России, проявляясь не столько в философских дискуссиях, сколько в бытовых

¹ Можно, конечно, возразить, что это разнообразие не следует переоценивать, поскольку все же существуют моральные проблемы, по поводу которых общество достаточно единодушно, например, в своем отношении к маньякам, насилующим и убивающим своих жертв. Подобное единодушие подтверждается тем, что в тех моральных системах, которые открыто провозглашают свою антагонистичность официальной морали, например, мораль преступного мира, отношение к маньякам тоже крайне негативное. Однако, если судить, например, по репликам в Интернете, и они имеют немалое число сторонников. А, скажем, по поводу школьников, избивших свою 72-летнюю учительницу, мнения в Интернете разошлись примерно в равных пропорциях, т. е. каждый второй высказавшийся там выразил им поддержку. Естественно, количественное соотношение позиций в Интернете не выражает их соотношение в обществе, но достаточно убедительно демонстрирует, что в современной России любая позиция по любому вопросу встречает достаточное количество сторонников.

ситуациях, четко вычерчивая основной контур соответствующих моральных противостояний. Какой бы из подобных вопросов ни затронуть, всегда водораздел между противоборствующими позициями проходит на уровне бытовой дилеммы: «запретить или разрешить», предоставив нашим согражданам большую или меньшую степень бытовой, экономической, политической или какой-либо другой свободы. Запретительно-разрешительная матрица формирует призму, сквозь которую наши законодатели, политики, журналисты, «кухонные комментаторы» и другие категории населения воспринимают самые различные события, выносят мнения по поводу и единичных ситуаций, и общего положения дел в стране, а также кардинальных путей его улучшения. Можно утверждать, что в калейдоскопе «моралей» и нравственных позиций, сосуществующих и противоборствующих *в современном российском обществе, именно противостояние разрешительного либерализма и запретительного консерватизма являются главной осью поляризации различных видов нравственного сознания*². При этом, как ни парадоксально, различные религии, например христианство и ислам, в целом оказываются по одну сторону баррикады, выступая за более жесткие ограничения относительно поведения граждан, хотя одни религии, утверждая необходимость более строгих ограничений, могут находить чрезмерный либерализм в других, например, ислам в христианстве, а одной из главных причин роста популярности радикального ислама служит падение нравственности в христианском мире, в частности, разрушение таких традиционных ценностей, как солидарность, патриотизм и др., а также поддерживавших их социальных институтов (MacIntyre, 1985). «Коррозия нравственности» начинает распространяться и на другие культуры, находящиеся с Западом в наиболее тесных контактах, например, на китайскую и индийскую (Keller et al., 2005).

Пережив многовековую историческую и философскую эволюцию, либерализм и консерватизм не слишком отделились от своих корней. Базовое убеждение консерваторов состоит в том, что человек по природе своей эгоистичен и агрессивен, стремясь максимизировать свои блага за счет окружающих, и поэтому над ним нужен достаточно строгий контроль, который является основной функцией социума. Либералы, напротив, убеждены в том, что природа человека не так уж плоха, ему в общем и целом можно доверять, предоставляя значительную свободу, внешний – со стороны социума – контроль над его поведением сводя к минимуму. Дискуссия в подобной системе исходных убеждений очень плодотворна, вдохновляя на различные видения природы человека, но не разрешима, как и ключевой вопрос *о природе человека вообще* в условиях ее во-площенности в людях самого различного типа. Симптоматично и то, что попытки подойти к решению вопроса эмпирически, например, задавая людям вопрос: «Как, по-вашему, человек хорош или плох?» – порождают поляризацию респондентов, а соотношение ответов существенно варьирует в разных культурах (Political action, 1979).

При достаточной выраженности разрешительно-запретительного измерения в моральном сознании любого народа представления о том, что именно можно разрешить, а что и как следует запрещать, всегда варьируют, хотя существуют инварианты, характерные для близких культур, например, базовые свободы, зафиксированные в европейских законодательствах. Если консервативный континуум не может быть неограниченным даже теоретически, трудно представить себе общество, даже самое тоталитарное, где человеку *запрещено все*, то неограниченность либерального континуума в *абстракции* можно себе представить. Например, в виде общества, где какие-либо ограничения поведению граждан вообще отсутствуют. Возможны два основных варианта такой утопии (соответствующая реальность пока выглядит довольно утопической): 1) внешние, накладываемые социумом ограничения не нужны ввиду того, что

² Естественно, не только в российском. Так, Дж. Миллер подчеркивает, что главной проблемой поддержания социального порядка сейчас является гармоничное сочетание свободы личности с ее ограничением интересами общества, интеграция свободы и ответственности (Miller, 2005). Отмечается также, что «неразрешимый философский диспут и демаркационная линия между индивидуальной свободой и социальной ответственностью сейчас воспроизводятся и на эмпирическом уровне» (Nunner-Winkler, Edelstein, 2005, p. 22), т. е. становится предметом эмпирических исследований.

люди сами накладывают на свое поведение необходимые ограничения³ (нечто, близкое к мифу о коммунизме, предполагавшем не только идеальное общество, но и *идеального человека*); 2) свобода граждан не ограничивается ни извне – социумом, ни изнутри – ими самими.

Если первый вариант утопичен, хотя, возможно, человечество когда-нибудь морально усовершенствуется настолько, что он перестанет быть утопией, то второй катастрофичен и чреват «войной всех против всех», образ которой вдохновил немало философских размышлений и литературных произведений. Казалось бы, утопичен должен быть и соответствующий вариант либеральной идеологии – ее радикальная разновидность «все разрешено». Тем удивительнее, что нечто подобное можно обнаружить в современной российской реальности – в тех идеологемах, которые провозглашают идеологи, сльзущие ныне либералами. Как пишет С. В. Картунов, «свобода для либералов – универсальная ценность, превалирующая над всеми остальными; самоценное благо, которое не может служить лишь чисто утилитарным целям... Однако если рассматривать свободу в „негативном“ смысле, как свободу от чего-то, то она рассматривается просто как отсутствие внешних ограничений». «Нынешние либералы отделили понятие свободы от совести, стыда, личной вины и ответственности», в результате чего «внутренние, моральные основы человеческого поведения заменяются внешними, формальными, а сдерживающие, нормативные начала ослабевают. Тем самым активизируются разрушительные потенции, сокрытые в глубинах человеческой психики. Возникает специфическая «неуправляемость», о которой все больше и больше говорят в последние десятилетия, т. е. попросту говоря анархия. Свобода становится «даром данайцев» (Картунов, 2009, с. 216, 236, 215).

«Можно все, что не разрешено законом», «запреты неэффективны» и т. п. – изблюбленные нашими современными либералами идеологемы (назовем их «либералогемами»), которые регулярно звучат на различных уровнях, несмотря на свою абсурдность. Так, если можно все, что не запрещено законом, то моральные ограничения вообще отсутствуют, общество существует без морали, т. е. в отсутствие одного из двух основных регуляторов человеческого поведения. Возможно ли такое общество, а если возможно, то что оно из себя будет представлять? Это вопросы, которые наши нынешние либералы, как и советские идеологи, больше озабоченные идеологической комфортностью своих утверждений, чем их соответствием реальности («неонтологическое мышление»), просто не ставят. Аналогично обстоит дело с либералогемой «запреты неэффективны» и с другими подобными утверждениями. Как хорошо известно, цивилизация основана на запретах, а общество, где они отсутствуют или «неэффективны», существуют, но не действуют, сильно напоминая бы бои без правил, но не в пределах ринга, а в масштабах всего социума. Не говоря уж о том, что в таком обществе не были бы запрещены, а, значит, были бы разрешены убийства, изнасилования, наркотики, и необходимо очень богатое воображение, чтобы представить, как такое «общество», обладающее практически неограниченным потенциалом самоистребления, могло бы существовать. Но очевидная «неонтологичность», абсурдность, нелепость и неосуществимость псевдолиберальных идеологем не лишает их удивительной жизнестойкости в нашем обществе, демонстрируя парадоксальные свойства нашего неолиберального мышления, мало считающегося с реальностью.

Подобное мышление и продуцируемые им идеологемы можно было бы объявить откровенно патологичным и заслуживающим разве что медицинских диагнозов в духе изречения героя литературной классики: «Шизофрения, как и было сказано», если бы оно не формировало идеологическое поле, оказывающее большое влияние на мышление значительной части наших сограждан. Многие из них, особенно «дети 1990-х и 2000-х», сформировавшиеся в

³ Примером может служить идеология «открытого общества», разработанная К. Поппером. В ее рамках свобода человека ограничивается только одной инстанцией – его собственным разумом, выступая в качестве разумной и ответственной свободы (Поппер, 1992).

те годы и впитавшие в свою личностную организацию, интериоризировавшие в своей психике криминально-анархическую атмосферу тех лет, одной из главных ценностей считают *свободу*, ее же понимают как полное отсутствие запретов и ограничений. Идеологией, наиболее соответствующей их психологическому складу, – их «психоидеологией» – служит наиболее радикальный вариант либерализма, который С.Ю. Глазьев называет «вульгарным либерализмом» (Глазьев, 2008). Отсутствие нравственных запретов и ограничений, соблюдение законов не вследствие понимания их необходимости для нормального существования общества, а лишь потому, что государство заставляет их соблюдать, создают ту (без)нравственно-правовую среду, в которой формируется значительная часть наших сограждан⁴. Идеологической опорой этой среды служит радикальный, или «вульгарный», либерализм, образующий ту мораль, по существу, антимораль, которая представляется нелепостью мыслящим людям, но оказывает большое влияние на тех, кто не желает обуздывать свои даже наиболее деструктивные желания. Как заявил водитель, в пьяном виде задавивший несколько человек, «а я всегда делаю, что хочу». Популярность такого псевдолиберализма (о его отличиях от истинного либерализма см.: Юревич, 2010) знаменует собой кризис *моралей*, т. е. первого из трех ключевых элементов поддержания нравственности в нашем обществе.

2. Кризис механизма трансляции «моралей» в нравственность

Глубокой кризис в нашем обществе переживает и второй элемент системы поддержания нравственности в нашем обществе – трансляция «моралей» с социального на индивидуальный уровень и их трансформация в индивидуальную нравственность.

Этот процесс описан рядом психологических концепций моральной социализации, среди которых наибольшую известность приобрели модели морального развития Ж. Пиаже, Л. Коллберга, К. Гиллиган и др. В каждой из них можно выделить два основных элемента: 1) стадии морального развития личности; 2) факторы, влияющие на этот процесс. Выделение стадий предполагает имплицитное представление о моральной социализации как поэтапном восхождении от более низких уровней к более высоким. Так, Ж. Пиаже описывает две ключевые стадии моральной социализации: 1) «мораль принуждения», основанную на восприятии ребенком моральных правил как исходящих от авторитетного лица – взрослого – и их соблюдении под влиянием страха наказания за их нарушение; 2) «мораль кооперации», базирующуюся на восприятии этих правил как объективно нужных и их добровольном принятии (Piaget, 1932). Согласно концепции Л. Коллберга, которая нашла широкое применение не только в психологии, но также в педагогике, в юриспруденции, в антропологии и в других сферах (Miller, 2005), моральное развитие человека представляет собой последовательное восхождение от 1) доконвенционального уровня, на котором он соблюдает моральные правила из страха наказания, к 2) конвенциональному, где соблюдение этих правил осуществляется под давлением окружающих, и далее – к 3) постконвенциональному, на котором соблюдение этих правил обусловлено пониманием их необходимости для поддержания нормальной общественной жизни (Kohlberg,

⁴ Подобные характеристики ситуации даются многими исследователями проблемы, среди которых экономисты, социологи и представители других наук. «Неолиберальная экономика граничит с оправданием аморальной вседозволенности», – пишет О. Т. Богомолов (Богомолов, 2008, с. 368). «Энергия политического переустройства оказалась чреватой прежде всего всплеском свободы и общественной самодеятельности – при отсутствии чувства ответственности и нежелании считаться с ограничениями и законами», – констатирует Г. Вайнштейн (Вайнштейн, 1998, с. 49). А. В. Кацура дает еще более психологизированную оценку произошедших событий: «Общество держалось на жестком корсете внешних правил, требований и норм. Наши революционеры-перестройщики (в отношении социальной психологии люди безграмотные) полагали, что все дело в ослаблении или разрушении этого всем опостылевшего корсета. Разрушили в считанные дни. В отсутствие давно и основательно растоптанного Я на свободу вышло Оно (т. е. инстинкты и страстные желания без должного рационального контроля и без моральных ограничений; в Оно нет совести, она возникает на границе Я и Сверх-Я. А мы все удивляемся разгулу воровства и преступности» (Кацура, 1998, с. 152).

1984). Для постконвенционального уровня характерна апелляция к совести, а юридические законы выступают как выражение моральных принципов. (К сожалению, по данным кросс-культурных исследований, такие люди во всех выборках составляют меньшинство, т. е. характерным для всех культур является недостижение основной частью их представителей третьего уровня морального развития; не в этом ли коренится основная причина преступности и других негативных социальных явлений?). К. Гиллиган, фокусирующаяся на моральном развитии *женщин*, тоже описывает трехуровневую структуру такого развития, в рамках которой первый уровень детерминирован ориентацией на индивидуальное выживание, второй связан с принятием ответственности за других, третий – с выбором между ответственностью перед собой и ответственностью перед окружающими (Gilligan, 1982). Дж. Рест описывает моральное развитие в терминах не стадий, а когнитивных схем: 1) схемы личного интереса, 2) схемы усвоения норм, 3) постконвенциональной схемы. Он приурочивает их формирование к стадиям, выделенным Л. Колбергом (Rest et al., 2000)⁵.

В условиях стадияльной структуры моральной социализации, постулируемой ее различными концепциями, наиболее очевидным вариантом патологического развития этого процесса является недостижение его высших стадий, приостановка на нижних, хотя, естественно, далеко не всегда подобные модификации данного процесса можно считать патологией. Так, например, М. И. Воловикова обнаружила, что у наших соотечественников моральная социализация часто либо «застревает» на первой стадии, либо сразу «перескакивает» на третью (Воловикова, 2010), т. е. соблюдение моральных норм под давлением малой группы – семьи, друзей и т. п. или общества в целом, – своего рода «моральный конформизм» у нас менее распространен, чем следование им из страха наказания или по велению совести.

Нарушение собственно *стадияльности* в данном случае выглядит довольно метафорично: по сути, речь идет о том, что в нашем российском обществе по сравнению с другими культурами непропорционально велика доля как высоконравственных индивидов, которых нет необходимости ни принуждать, ни агитировать исполнять нравственные нормы, так и абсолютно безнравственных, которые, если и соблюдают их, то только по принуждению. Бытовой пример подобного распределения – распространенность как героизма, бескорыстного самопожертвования, волонтерства и других образцов высоконравственного поведения, так и жестокости и бесчеловечности, в таких, например, формах, как выбрасывание младенцев в мусорные баки. Конечно, на основании подобной тенденции нельзя сделать вывод о том, что мы либо очень хорошие, либо очень плохие, поскольку промежуточных вариантов в нашем обществе тоже хватает, однако наша российская тенденция регулярно переходить от одной крайности в другую, отмечаемая в самой различной связи (см.: Вехи, 1991), проявляется и в отношении уровня морального развития.

Одна из главных причин этой ситуации связана с фактором, который в различных концепциях моральной социализации выделяется в качестве одного из основных. Ж. Пиаже считал таким фактором уровень развития интеллекта (Piaget, 1932). Вообще, согласно Пиаже, существует онтогенетическая связь между когнитивным и моральным «рядами», причем ведущая роль в их синхронном развитии принадлежит когнитивному «ряду». Аналогичные взгляды высказывал и Л. Колберг (Kohlberg, 1984). При этом эмпирические исследования продемонстрировали, что уровень морального развития коррелирует с уровнем образования⁶, который, в свою очередь, тесно связан с уровнем интеллекта (Al-Ansari, 2002). Подтвердили они также существование высокой корреляции между уровнем морального развития и когнитивной сложностью (Jaffee, Hyde, 2000), которая тоже непосредственно связана с уровнем интеллекта.

⁵ В то же время в отличие от стадий, которые не могут сосуществовать друг с другом, человек может использовать несколько моральных схем одновременно (Rest et al., 2000).

⁶ Многое, конечно, зависит и от *характера* образования, в частности, от образов общества, которые лежат в основе его социогуманитарной составляющей.

Большая нагрузка ложится и на интуицию, а, стало быть, и на лежащие в ее основе неосознаваемые процессы. «Мораль, характеризующая низкодифференцированные системы культуры, не проявляется в субъективном плане в качестве четких законов и инструкций, основана на „чувствовании“, а не на „знании“, – пишут Ю. А. Александров, В. В. Знаков и К. А. Арутюнова (Александров и др., 2010, с. 345). Не меньшая нагрузка ложится на эмоциональный интеллект: «эмоционально тупые», не способные к сопереживанию люди редко бывают высоконравственными. Эмпирические исследования продемонстрировали также, что чувство ответственности за свои действия перед обществом имеет в своей основе такие психологические процессы, как эмпатия, сострадание, сочувствие, сопереживание и др. (Miller, 2005). Важным качеством нравственных (в данном случае не высоко-, а просто *нравственных*, т. е. уважающих хотя бы основополагающие нравственные принципы) людей служит также регулярно испытываемый ими *когнитивный диссонанс* по поводу нравственных дилемм (Гулевич, 2010), тоже производный от уровня интеллектуального и эмоционального развития личности. Нравственный человек *регулярно сомневается* по поводу принимаемых им нравственных решений, в то время как лишенный этого качества, «когнитивно простой» человек не склонен к «душевному страданию». В этой связи уместно процитировать Г. С. Померанца: «История – это прогресс нравственных задач. Не свершений, нет, но задач, которые ставит перед отдельным человеком коллективное могущество человечества, задач все более и более трудных, почти невыполнимых, но которые с грехом пополам все же выполняются (иначе все бы давно развалилось)» (Померанц, 1991, с. 59). И действительно, если бы люди не испытывали *сомнений* по поводу моральной допустимости новых возможностей, постоянно открываемых перед ними научно-техническим прогрессом, то этот прогресс уже давно было бы некому осуществлять, ибо такое человечество неминуемо себя уничтожило бы. А одной из слагаемых образа «крутых» или «конкретных» парней, пропагандируемого нашим телевидением, служит именно отсутствие «неконкретных» нравственных сомнений.

Хотя существует немало межкультурных различий в проявлении закономерностей морального развития, связанных главным образом со спецификой коллективистских и индивидуалистических культур⁷ (Miller, Bersoff, 1998; и др.), эта закономерность выглядит достаточно инвариантной относительно специфических черт различных культур и народов, особенно в условиях «интернационализации моральных ценностей» (Keller et al., 2005), т. е., несмотря на частую встречаемость высокоинтеллектуальных и высокообразованных злодеев⁸ (литературный символ этого типажа – заклятый враг Шерлока Холмса профессор Мариарти), особенно в высших эшелонах власти, все-таки в общем и целом повышение образовательного и интеллектуального уровня населения способствует повышению нравственности. И, наоборот, все факторы, которые ухудшают качество человеческого материала: алкоголизм, наркомания, низкий уровень жизни, плохое питание, курение и другие вредные привычки, массовая беспризорность – снижают средний интеллект нации, а посредством этого – и ее нравственный уровень.

В этой связи уместно выделить два типа личностей, имеющих низкий уровень морального развития и в быту проявляющих себя подчеркнуто безнравственными поступками: 1) «безнравственные по убеждению» («злодеи»); 2) «безнравственные по недомыслию». Первые прекрасно понимают социальную роль морали и необходимость нравственных принципов для нормального существования общества, но нарушают их, подчас с явным удовольствием, под влиянием самых разных мотивов: корысти, самоутверждения, удовольствия от глумления над

⁷ Существенные различия в этом плане есть и *внутри* культур, в их глобальном понимании. «Еще один аспект проблемы, который нельзя игнорировать при изучении решения моральных дилемм россиянами, заключается в наличии отличительных особенностей в структуре нравственного сознания россиян, принадлежащих к разным этническим группам» (Александров и др., 2010, с. 349). Это замечание имеет отношение и к большинству других народов.

⁸ Существуют и довольно экзотические примеры подобного плана. Так, у студентов-медиков на первых курсах обучения уровень морального развития снижается (Patenaude et al., 1999).

общепринятыми ценностями и т. д. Вторые просто не осознают смысла этих норм и напоминают чеховского героя, который в отсутствие каких-либо дурных намерений свинчивал гайки с рельсов, не понимая, к каким последствиям это может привести (т. е. в современных терминах готовил теракты, не отдавая себе в этом отчета). Значительная, если не основная, часть безнравственных поступков наших сограждан относится именно к этой категории, а их психологической основой служит «задержка» моральной социализации, проистекающая из дефицита интеллектуальных способностей.

Важно отметить, что эти способности достаточно многообразны и не сводятся только к общему уровню интеллекта или к тем интеллектуальным операциям, на которых делают акцент Ж. Пиаже и Л. Колберг, описывая моральное развитие ребенка. Сюда относятся также эмоциональный интеллект, рефлексивные способности, в частности, способность (и желание) оценить, как твои действия воспринимаются другими, к каким последствиям они могут привести, и т. п. Показательно, что многие бытовые проявления безнравственности наших сограждан выглядят не как осознанное попираание нравственных норм, а как дикость, варварство или дебилность. Яркой иллюстрацией могут служить наши городские пляжи, которые по утрам, убранные гастарбайтерами, производят вполне благообразное впечатление, а ближе к вечеру выглядят так, будто именно здесь, причем только что состоялась Куликовская битва.

В данном случае стоит нарушить сложившуюся традицию в понимании соотношения морали и нравственности, согласно которой «мораль – это форма общественного сознания, а о нравственности уместно говорить применительно к конкретному субъекту – как он усваивает известные всем моральные нормы, например, десять заповедей» (Знаков, 2011, с. 414). Оставив за моралью ту же «понятийную нишу» – *системы правил*, дифференцирующих добро и зло⁹ и предписывающих, что следует, а что не следует делать, вынесем понятие нравственности на нетрадиционный для него уровень – уровень «неконкретного» субъекта, которым является социум в целом. Тогда на данном уровне можно будет выделить основные слагаемые этого понятия и, соответственно, реперные точки, на которые обычно опираются, говоря о нравственности того или иного общества.

На соответствующей систематизации основан предложенный нами Индекс нравственного состояния общества (ИНСО)¹⁰, фиксирующий такие слагаемые нравственной атмосферы общества, как уровень: 1) жестокости, 2) бесчеловечности, 3) несправедливости, 4) цинизма. Операциональным показателем первой характеристики служит количество убийств на 100000 жителей, индикатором второй – количество беспризорников (точнее, детей, оставшихся без попечительства родителей), индикатором третьей – Индекс Джини, выражающий неравномерность распределения доходов, показателем четвертой – Индекс коррупции. Разумеется, можно использовать и другие индикаторы нравственности/безнравственности общества, и другие способы их индикации, однако и описанный способ представляется вполне приемлемым (вообще все подобные варианты операционализации и количественной оценки качественных явлений – «не догмы, а руководства к действию»). Оцененная подобным способом динамика нравственного состояния нашего общества в годы реформ показана на рисунке 1.

⁹ «Существуют разные определения морали, – пишет О.А. Гулевич, – Однако, как правило, под ней понимается совокупность норм (требований и запретов), регулирующих отношения между людьми, нарушение которых рассматривается в терминах „хорошо-плохо“, „добро-зло“. Они существуют лишь на уровне представлений их носителей, т. е. не зафиксированы официально, а контроль за ними осуществляют отдельные люди и неформальные объединения» (Гулевич, 2010, с. 52). Согласно Ж. Пиаже, основу морального сознания тоже составляют запреты, определяющие, что «хорошо», а что «плохо» (Piaget, 1932).

¹⁰ По существу, это индекс безнравственного состояния общества, ибо он выражает негативные характеристики.

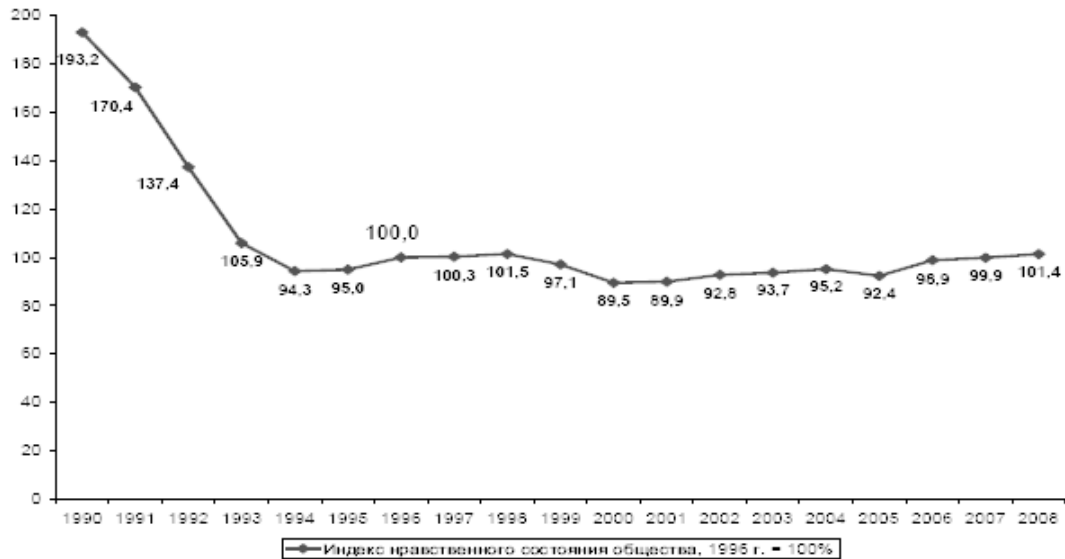

Рис. 1. Динамика нравственного состояния современного российского общества

Как видим, динамика негативная со слабо выраженной тенденцией к улучшению в последние годы. Особенно выражено негативное нравственное состояние современного российского общества, если сравнивать его с ситуацией перед реформами – в 1990 г., что вынуждает сделать малоутешительный вывод: морально-нравственному состоянию нашего общества реформы на пользу явно не пошли.

Удручающее нравственное состояние российского общества подтверждается самой разнообразной статистикой.

Так, у нас ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств и получают тяжкие телесные повреждения; от жестокости родителей страдают 2 млн детей, а 50 тыс. – убегают из дома; пропадают 25 тыс. несовершеннолетних; 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями, и 15 тыс. – другими близкими родственниками – отцами, сыновьями и т. д.; насилие над женами, престарелыми родителями и детьми фиксируется в каждой четвертой семье; 12 % подростков употребляют наркотики; более 20 % детской порнографии, распространяемой по всему миру, снимается в нашей стране; около 40 тыс. детей школьного возраста вообще не посещают школу; детское и подростковое «социальное дно» охватывает не менее 4 млн человек; темпы роста детской преступности в 15 раз опережают общий прирост преступности; в современной России насчитывается около 50 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-х годов (Анализ положения детей в РФ, 2007). А в конце истекшей декады – в 2009 г. в нашей стране насчитывалось около 700 тыс. сирот (после Великой отечественной войны их было меньше), совершено 106 тыс. преступлений против детей, 2 тыс. которых были убиты (Аргументы и факты, 2010). Бытовые примеры того, до какой степени безнравственности доходят наши сограждане, тоже вызывают содрогание: от младенцев, выброшенных пьяными матерями в окно, до таких явлений, как рабство и каннибализм (это в XXI веке!).

Если оценивать состояние нравов в нашей стране в рамках описанной выше схемы по уровню жестокости, бесчеловечности, несправедливости и цинизма, то положение дел выглядит плачевным в каждой из этой сфер, что проявляется в соответствующих показателях (таблица 1).

В общем оценка нравственного состояния современной России, т. е. наших продуктов трансформации общих моральных принципов в индивидуальную нравственность, дает неутешительный результат, и показательно, что вывод о ее нравственной деградации в годы реформ

делают представители практически *всех* научных дисциплин, которые обращаются к этой проблеме (см.: Юревич, Ушаков, 2010).

Кризис второго из выделенных в начале этой статьи элементов системы поддержания нравственности в нашем обществе – системы трансляции нравственных принципов с социального на индивидуальный уровень – отчетливо проявляется также в состоянии ключевых *институтов* моральной социализации, к числу которых принято относить семью и образовательные учреждения (Гулевич, 2010), а также «улицу» и средства массовой информации. Здесь следует подчеркнуть три основные тенденции: во-первых, атрофию некоторых институтов, например, общественных организаций советского времени¹¹; во-вторых, изменение относительной влияния существующих институтов, в частности, снижение авторитета школы и рост влияния СМИ; в-третьих, изменение их функций. «Традиционные институты социализации (семья, школа, учреждения профессионального образования, учреждения дополнительного образования, трудовые коллективы) утрачивают свое влияние. Образовавшиеся проблемы восполняются легкодоступными носителями информационного продукта, например, средствами массовой информации», – пишут С. К. Бондырева, Г. В. Безюлева и Д. В. Сочивко (Бондырева и др., 2010, с. 265). При этом, как отмечает В. А. Соснин, «значительные возможности влияния средств массовой коммуникации на массовую аудиторию обуславливаются тем обстоятельством, что их содержанием охватывается весь спектр психологического воздействия в диапазоне от информирования, обучения, убеждения до манипуляции» (Соснин, 2010, с. 327).

Таблица 1

Некоторые показатели состояния современного российского общества (2008)

Наименование показателя	Значение показателя	Место России по данному показателю
Смертность от убийств на 100000 жителей	16,7	1-е место в Европе и СНГ
Число детей, оставшихся без попечительства родителей на 100000 жителей	88,8	2-е место в Восточной Европе и СНГ после Эстонии
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,422	1-е место среди стран с развитой и переходной экономикой
Индекс коррупции, 2009 (от 0 до 10 баллов, чем выше балл, тем ниже уровень коррумпированности)	2,2	146 позиция в мире (наряду с Кенией, Камеруном, Эквадором, Зимбабве, Сьерра-Леоне) из 180 возможных

Источники: Доклад о развитии человека, 2009; Российский статистический ежегодник, 2009; Transparency International, 2009.<http://www.transparency.org>.

Налицо также выхолащивание *воспитательных* функций некоторых институтов моральной социализации, что связано, в частности, с описанной выше псевдолиберальной идеологией. Так, ее адепты, в начале 1990-х годов занесенные волной либеральных реформ в органы управления отечественной системой образования, официально провозгласили отказ от выпол-

¹¹ Отметим, что при всех известных недостатках они выполняли и ряд позитивных функций, атрофия которых отрицательно сказалась на наших согражданах. А. С. Ципко пишет: «Как только погибли все старые советские институты, институты обуздания нечеловеческого в человеке, и миллионы людей оказались предоставлены сами себе, выяснилось, что многие, очень многие просто не в состоянии стать полноценными людьми» (Ципко, 2008, с. 117).

нения нашей школой воспитательной функции и превращение ее в сервисную структуру по «оказанию образовательных услуг населению». Тем самым был изъят заложенный еще А. С. Макаренко краеугольный камень отечественной системы образования – *единство обучения и воспитания*, а учитель, по существу, оказался низведенным к статусу официанта. Данные о том, что ученики открыто матерятся на уроках примерно в половине российских школ (Юревич, 2010), практика избияния учителей за плохие оценки и выкладывания в Интернет видеозаписей экзекуций закономерно оформили этот новый статус учителей и, соответственно, школы как «сервисного» института. Естественно, существуют другие ученики, другие школы, далеко не все из которых вписываются в образ, созданный в скандальном фильме В. Гай-Германики, но, к сожалению, даже многочисленные исключения не нивелируют общей тенденции постепенной утраты нашей школой воспитательной функции. Иное было бы и невозможно, если учесть, что именно это провозгласили в качестве официальной цели псевдолибералы, по-прежнему занимающие ключевые позиции в нашей системе образования и близко не подпускающие к ним своих идейных оппонентов.

Аналогичный «захват власти» псевдолибералами произошел в таком институте социализации, как СМИ, прежде всего на телевидении, влияние которого на нашу нравственность вынуждает отечественные законодательные органы настойчиво искать пути противодействия ему. Показательно, что более 80 % наших сограждан выступают за введение *нравственной цензуры* на ТВ¹² (Семенов, 2011), которую наши псевдолибералы, естественно, являющиеся ее противниками, пытаются выдать за цензуру *идеологическую*, тем самым совершая привычный для них акт «идеологического мошенничества», т. е. умышленной подмены реалий в идеологических целях. В этом ряду находится и другой ударный аргумент псевдолибералов в дискуссии со сторонниками ограничений: «не хочешь – не смотри», служащий очередным свидетельством нелепости утвердившихся в современной России «либералогем»: если последовательно продолжить эту логику, то следует выдвинуть возражения против запрета продажи наркотиков («не хочешь – не покупай») и т. п. В данном случае вновь проявляется связь второго уровня системы поддержания (а также разрушения) нравственности общества с первым – трансляции «моралей» на уровень индивидуальной нравственности с их продуцированием и распространением в обществе. А кризис на одном уровне неизбежно связан с кризисом на другом.

3. Кризис механизмов понуждения к выполнению нравственных норм

Отчетливо выражен кризис и на третьем уровне этой системы – уровне понуждения наших сограждан к соблюдению основополагающих нравственных принципов. Здесь тоже очевидна связь с общей идеологией, в частности, с обсуждавшейся выше «либералогемой», согласно которой «запреты неэффективны», а также с псевдолиберальными идеями о том, что человек должен быть во всем свободен и принуждать его ни к чему нельзя. В этом же ряду находится и либералогема «можно все, что не запрещено законом», означающая, что человек имеет право нарушать нравственные принципы, если он при этом не нарушает законы, а принуждать его к соблюдению нравственных принципов противозаконно. Против этого трудно возразить, однако любое общество стремится придать основополагающим нравственным принципам статус законов¹³, а в тех областях нравственного поведения, которые не регулируются законами,

¹² Следует подчеркнуть, что ее объектом должны быть не только телепередачи, *но и люди, работающие на ТВ*, ибо здесь безнравственные личности могут нанести большой урон обществу, особенно в качестве руководителей телеканалов.

¹³ Подобные прецеденты имеются и в современной России, например, недавно принятый ГД закон, запрещающий распивать пиво и другие легкие спиртные напитки в общественных местах, что прежде было запрещено разве что «правилами хорошего тона», т. е. моральными ограничителями. Другой подобный пример – нормативно предписанная водителям необходимость пропускать пешеходов.

применяются нравственные же меры воздействия, которые могут быть не менее жесткими, чем законы.

Ярким примером служат китайские чиновники, осужденные за коррупцию. Многие из них выдерживают законодательное наказание, отсидев назначенные им сроки, но затем, выйдя на свободу, кончают жизнь самоубийством, будучи не в силах выдержать моральную кару – так называемую «потерю лица», что существенно для китайской культуры. Уместно вспомнить и эффективность «мер морального воздействия», характерных для советского общества, в частности, что в те годы означало исключение из партии или из комсомола. А психоаналитики, да и врачи, не придерживающиеся психоаналитических позиций, часто трактуют различные болезни как «наказание», накладываемое человеком на самого себя за совершенные им моральные проступки.

Понуждение к исполнению нравственных норм особенно актуально в условиях, когда значительная часть населения находится на первой стадии морального развития по Л. Колбергу, соблюдая их лишь под страхом наказания. Естественно, куда более желателен перевод подобных граждан на третью стадию, на которой они добровольно исполняют эти нормы, понимая их необходимость для общества, или хотя бы на вторую, где они делают это из конформности, и соответствующие меры по повышению уровня нравственной социализации тоже необходимы. Это так называемое «мягкое» моральное воздействие через систему образования и воспитания. Однако к отказу от принуждения современное общество, особенно российское, вопреки псевдолиберальным мифам пока не готово, и эффективность системы поддержания нравственности во многом зависит от эффективности принуждения к соблюдению ее основ.

Принуждение в демократическом обществе чаще всего выступает в виде *самопринуждения*, накладывания личностью добровольных ограничений на свою свободу. Поэтому, как пишут Г. Нуннер-Винклер и В. Елдестейн, в современном мире «социальный контроль теряет силу, а главным условием функционирования социальных систем становится самоконтроль» (Nunner-Winkler, Edelstein, 2005, p. 5). Здесь вновь актуализируется общеидеологический уровень представлений о нравственности и торжествует либеральная мысль о том, каким должен быть социальный контроль в современном мире – не насильственным и реализуемым над человеком извне, а добровольным и самостоятельно осуществляемым им над собой. Но одновременно проявляется и основное отличие подлинного либерализма от того, что на страницах этого текста неоднократно именовалось псевдолиберализмом. Если сторонники первого в отличие от приверженцев консерватизма настаивают на том, что человеку можно доверять и, соответственно, доверить ему самому контроль над своим поведением, то наиболее радикальные сторонники второго считают, что контроль над человеком *вообще не нужен* – ни во внешней, внеличностной, ни во внутренней, внутриличностной форме.

При всей абсурдности этой идеи она очень популярна в современном российском обществе, что в том или ином виде регулярно проявляется в общественных настроениях по поводу наиболее вопиющих нарушений морали, таких, как история с Пусси Райот.

Вообще *ослабление социального контроля* над индивидами – и во внешней, и во внутренней форме – является одним из главных маркеров тех социально-психологических изменений, которые наше общество переживает с конца 1980-х годов, причем многие, и отнюдь не только псевдолибералы, воспринимают это ослабление с восхищением, именно в нем видя путь к свободе и демократии. При этом допускается очередная ошибка, основанная на непонимании того, что истинная и единственно возможная свобода – не утопичная и безответственная, а та *свобода, которую общество может себе позволить*. Она предполагает не полное снятие социального контроля над личностью, а лишь его интериоризацию, перевод из внешней во внутриличностную форму. Это дает основания для «политического» утверждения: вопреки тому, что о нашей стране думают на Западе, как обычно, плохо понимающем, что в ней происходит,

основной социально-психологической проблемой современной России является не дефицит свободы, а прямопротивоположное – дефицит контроля.

Из самых разнообразных видов контроля наибольшее ослабление за годы наших реформ претерпел *нравственный контроль* – контроль над соблюдением нравственных принципов, что неудивительно в условиях вознесения принципа «можно все, что не запрещено законом», фактически нивелирующего нравственные принципы, чуть ли не на уровень государственной идеологии. Поучительным примером служит то, что вопиющие случаи безнравственного поведения наблюдаются не только в частной жизни наших сограждан, где контроль над ними со стороны общества сведен к минимуму, но и в их публичной активности, причем и в активности членов общества, которая наиболее публична, будучи связанной с органами государственной власти, средствами массовой информации и т. п. Развлекательные поездки за рубеж депутатов различных уровней, оплачиваемые из кармана избирателя, «крышевание» подпольных казино прокурорским начальством, всевозможные «кущевки» и т. п. (Этот ряд можно продолжить) – примеры полного отсутствия морального контроля там, где он, казалось бы, должен носить очень строгие формы, переходя в правовой контроль. А рефлексировав над подобными случаями, которыми сейчас переполнена вся наша жизнь, трудно не заметить, во-первых, их полную публичность – подобное происходит у всех на виду, во-вторых, то, что они являются нормой, а не исключением, т. е. нормой нашей жизни стало отсутствие нравственного контроля даже в абсолютно публичных ситуациях и даже там, куда достает око центральной власти, не говоря уж о гораздо более значительном пласте нашей жизни, скрытом от этого ока.

Ослабление внешнего контроля не было бы разрушительным для общества, если бы компенсировалось внутриличностным контролем – в соответствии с обрисованной выше либеральной схемой. Однако ослабление социального контроля не только не компенсируется самоконтролем граждан, напротив, сопровождается его ослаблением, возведенным в некоторых, особенно молодежных, социальных слоях в культ «отвязности» от социальных норм и правил. Как пишет А. С. Ципко, «наши обвальные реформы убили тот внутренний страх, то чувство внутреннего самоконтроля, на котором держится современная цивилизация» (Ципко, 2008, с. 117). Характерный пример ослабления нравственного самоконтроля – бытовая развязность в форме, например, попражнения вроде бы не слишком существенных нравственных норм (мат в общественных местах, плевки и бросание окурков на тротуар, вызывающие позы в общественном транспорте, демонстрирующие неуважение к окружающим, демонстративное неуступание мест старшим по возрасту и т. п.).

К сожалению, ощущается явный дефицит исследований, раскрывающих психологический смысл и психологические функции подобного поведения. А в таких случаях, как нашумевшая история с Пусси Райот, явно не хватает психологических интерпретаций реальной мотивации подобных поступков, скрытой под декларируемой мотивацией.

Тем не менее можно предположить, что среди главных мотивов демонстративного попираания нравственных норм – самоутверждение посредством демонстрации безразличия к окружающим, повышение самооценки, демонстрация своей «свободы» – опять же в ее описанном выше понимании (как свободы от любых запретов и ограничений), стремление доказать себе и другим, что в мире нет ничего святого, а, значит, позволительно все, и это еще больше укрепляет ощущение свободы, и т. п. А ощущение «вы мне ничего не можете сделать», создаваемое молчаливой реакцией окружающих на подчеркнуто развязное поведение, возможно, укрепляет ощущение психологической безопасности, а также своей «крутизны», что очень важно для личностей развязно-агрессивного типа (Юревич, 2010), ставшего очень характерным для современной России.

В результате в современном российском обществе кризис «моралей» и механизма их трансляции с социального на индивидуальный уровень дополняется кризисом социального и внутриличностного контроля над выполнением членами общества основополагающих нрав-

ственных принципов, что означает кризис всех основных элементов поддержания нравственности.

Литература

Александров Ю. И., Знаков В. В., Арутюнова К. А. Мораль и нравственность. Обоснование эмпирического исследования разных групп современного российского общества // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 338–357.

Анализ положения детей в РФ. М.: ЮНИСЕФ, 2007.

Аргументы и факты. 2010, № 21 (1542). 26 мая–1 июня.

Богомолов О. Т. Культурно-нравственные устои развития // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: ИНЭС, 2008. С. 359–371.

Бондырева С. К., Безюлева Г. В., Социвко Д. В. Российская молодежь в рискогенном пространстве современной действительности // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 261–300.

Вайнштейн Г. Между полной свободой и полным хаосом // Pro et Contra. 1998. № 3. С. 40–56.

Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.

Воловикова М. И. К проблеме психологического исследования совести // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 261–300.

Глазьев С. Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии – важнейший ресурс возрождения России // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: ИНЭС, 2008. С. 406–421.

Гулевич О. А. Основные стадии моральной социализации // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 52–66.

Доклад о развитии человека 2009. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН). Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009.

Знаков В. В. Моральные и нравственные основания понимания эвтаназии // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 413–434.

Кацура А. В. Бегство в свободу // На пути к открытому обществу: Идеи Карла Поппера и современная Россия. М.: Весь Мир, 1998. С. 125–155.

Кортунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект пресс, 2009.

Померанц Г. С. Опыт философии солидарности // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 57–66.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 1, 2. Российский статистический ежегодник – 2009. М.: Росстат, 2009.

Семенов В. Е. Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 60–70.

Соснин В. А. Содержание, основные функции и особенности воспитания патриотизма в современных российских условиях // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 318–337.

Ципко А. С. Драма перестройки: кризис национального самосознания // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / Под ред. О. Т. Богомолова. М.: ИНЭС, 2008. С. 84117.

Юревич А. В. Дар данайцев: феномен свободы в современной России // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 17–26.

Юревич А. В., Ушаков Д. В. Нравственное состояние современного российского общества // Психология нравственности / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологи РАН», 2010. С. 177–208.

Al-Ansari E. M. Effects of gender and education on the moral reasoning of Kuwait university students // Social Behavior and Personality. 2002. V. 30. P. 75–82.

Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women's development. Cambridge: Harvard University Press, 1982.

Jaffee S., Hyde J. S. Gender differences in moral orientation: a meta-analysis // Psychological Bulletin. 2000. V. 126. P. 703–726.

Keller M., Edelstein W., Krettenauer T., Fu-xi F., Ge F. Reasoning about moral obligations and interpersonal responsibilities in different cultural contexts // W. Edelstein, G. Nunner-Winkler (Eds). Morality in context. Advances in psychology. Amsterdam: Elsevier, 2005. V. 137. P. 315–337.

Kohlberg L. Essays on moral development. N. Y.-Toronto: Harper & Row, 1984.

Miller J. G. Is community compatible with autonomy? Cultural ideals versus empirical realities // W. Edelstein, G. Nunner-Winkler (Eds). Morality in context. Advances in psychology. Amsterdam: ELSEVIER, 2005. V. 137. P. 293–311.

MacIntyre A. After virtue. London: Duckworth, 1985.

Miller J. G., Bersoff D. N. The role of liking in perception of the moral responsibility to help: a cultural perspective // Journal of Experimental Social Psychology. 1998. V. 34. P. 443–469.

Nunner-Winkler G., Edelstein W. Introduction // W. Edelstein, G. Nunner-Winkler (Eds). Morality in context. Advances in psychology. Amsterdam: ELSEVIER, 2005. V. 137. P. 1–24.

Patenaude J., Niyonsenga T., Fafard D. Changes in the components of suggestion on the transmission and evaluation of hearsay // Psychology. Public Policy and Law. 1999. V. 5. P. 372–387.

Piaget J. The moral judgment of the child. London: Routledge & Kegan Paul, 1932.

Political Action. London, 1979.

Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies / S. H. Barnes, M. Kaase, K. R. Allerbeck et al. (Eds). London: Sage, 1979.

Rest J. R., Narvaez D., Thoma S. J., Bebeau M. J. A Neo-Kohlbergian approach to morality research // Journal of Moral Education. 2000. V. 29. P. 381–395.

Transparency International Corruption Perceptions Index 2009. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009 (дата обращения: 15.07.2013).

Макропсихологический подход к пониманию духовно-нравственного выбора личности

М. И. Воловикова

Очевидно, что происходящие в наше время изменения имеют революционный (т. е. резкий, интенсивный) характер. Изменения не только касаются хозяйственно-экономической и политической жизни, но и затрагивают также область культуры, воспитания, семейных отношений и традиций. Причем речь идет не только о России, но и о других странах и континентах. Нас как исследователей, в первую очередь, волнуют судьбы современной российской личности: как ей удастся обрести внутреннюю стабильность в этом нестабильном мире?

Группа ученых-социологов, объединившихся в начале 2000-х годов в проекте «Томская инициатива», так резюмировала один из итогов своего исследования: «Современное российское общество напоминает рассыпающийся песок, из которого не удастся создать устойчивых социальных конструкций (может быть, кроме самых примитивных, самоорганизующихся по принципу „мафии“), а сами элементы общества, попадая в настоящее время или в перспективе в зону притяжения иных цивилизационных ядер, неизбежно теряют собственную идентичность» (Базовые ценности..., 2003, с. 46).

Ценности – это главные источники мотивации личности, то ради чего она способна действовать, творить, жить. Кризис ценностной картины мира приводит к личностному кризису.

Существуют (и должны существовать) также *антиценности* – то, что человек категорически не принимает. Главная направленность современной революционной волны состоит в замене цивилизационных ценностей на антиценности и, наоборот, антиценности стремятся к главенствующей роли в организации вокруг себя жизни людей. Простые прежде понятия – семья, материнство, целомудрие, верность, любовь – теряют свое ясное значение, что обрушивает общую картину состояния нравственности.

В последние годы очевидным становится запрос и к психологической науке в объяснении, прогнозировании масштабных социальных явлений. В этих условиях становится вполне закономерным появление такого нового направления исследований, как макропсихология (Макропсихология современного российского общества, 2009). Макропсихология позволяет с помощью специально разработанных процедур анализа делать выводы о динамике психологической составляющей общественной жизни. Как правило, в последние годы эти выводы неутешительные. Во вступительной статье к сборнику «Нравственность современного российского общества: Психологический анализ» (2012) А. Л. Журавлев и А. В. Юревич приходят к заключению: «...морально-нравственная сторона жизни нашего общества переживает системную деградацию, затрагивающую и мораль, и нравственность, и механизмы их взаимосвязи. „Испарение“ – вслед за моралью – из сознания молодежи и других слоев нашего общества таких категорий, как „добро“ и „зло“, служит ее естественным результатом» (Нравственность современного российского общества: психологический анализ, 2012, с. 14). В другой статье, открывающей первый раздел упомянутой книги (авторы А. В. Юревич и М. А. Юревич), утверждается: «Если произвести сравнение состояния нашего общества в двух крайних точках рассмотренного временного континуума – в 1981 и в 2011 г., то произошло нарастание всех без исключения негативных параметров и снижение подавляющего большинства позитивных» (Нравственность современного российского общества: психологический анализ, 2012, с. 25).

Обратимся вновь к исследованию социологов, работавших в проекте «Томская инициатива». Несмотря на десятилетие, минувшее после его проведения, по его результатам можно составить общее представление о наметившихся тенденциях в ценностных предпочтениях россиян. Тем более что выводы о расслоении наших сограждан на различные ментальные типы

перекликаются с выводами социальных психологов о полиментальности российского общества в современном его состоянии (Семенов, 2007).

Мы хотим обратиться к данным об уровне терпимости различных ментальных типов к тем или иным видам девиантного поведения (Базовые ценности., 2003). Из приведенной авторами сведений об отношении к 24 антиценностям мы отобрали треть (т. е. отношение к 8 самым отвергаемым видам девиантного поведения), для простоты и наглядности составив свою таблицу на материале таблицы «Уровни терпимости различных ментальных типов к тем или иным видам девиантного поведения» (Базовые ценности... 2003, с. 77).

Таблица 1

Рейтинги отрицательного отношения к видам девиантного поведения

№ в порядке убывания отрицательного отношения (всего)	Вид девиантного поведения/ментальный тип	Анархисты	Традиционные консерваторы	Либералы	Традиционалисты	Неоконсерваторы
1	Употребление наркотиков	1	1	1	2	2
2	Измена Родине	3	2	3	1	1
3	Отказ от больных, неблагополучных детей, старых родителей	2	4	2	3	4
4	Воровство, мошенничество	4	3	4	4	3
5	Самоубийство	5	6	5	5	5
6	Пьянство	7	7	7		7
7	Гомосексуализм	6	5		6	
8	Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей	8		6		6
	<i>Получение взятки</i>		8	8	8	
	<i>Проституция</i>				7	
	<i>Уклонение от уплаты налогов</i>					8

Эти данные, с одной стороны, подтверждают основной вывод авторов, что «ценностное расслоение общества носит достаточно невыраженный характер; все исследованные группы в большей степени исповедуют близкие ценности; большинство факторов их скорее объединяют, чем разъединяют» (Базовые ценности., с. 94). Чем меньше рейтинг, тем больше степень отвержения антиценности. Полужирным шрифтом в таблице выделены те виды девиантного поведения, которые дружно отвергались всеми ментальными типами в начале 2000-х:

- употребление наркотиков;
- измена родине;
- отказ от больных, неблагополучных детей, старых родителей;
- воровство, мошенничество;
- самоубийство.

Но, с другой стороны, наметилось и расслоение, указывающее на тенденции будущих изменений, свидетелями которых мы, возможно, являемся сейчас. К пьянству спокойнее оказалось отношение традиционалистов, к гомосексуализму – либералов, к национализму – двух видов традиционалистов (традиционных консерваторов и просто традиционалистов). Анархисты терпимее к получению взятки. Проституцию более всех отвергают только традиционалисты, а неоконсерваторы более других не согласны с уклонением от уплаты налогов. Если учесть, сколько сил, средств и прямого давления «мирового сообщества» вкладывается в пропаганду гомосексуализма, то видно ощутимое сопротивление психологически здоровых сибиряков этому инородному вторжению. Что касается взяток и мошенничества, то пример Запада здесь мог бы стать полезным, однако без специальных санкций пока перенимается мало.

Что касается позитивных ценностей, коллеги-социологи справедливо отмечают необходимость исследовать то, как именно респонденты понимают слова, обозначающие ценности. В книге приведены сырые данные по собранным ими ассоциациям к тем или иным словам-ценностям (Базовые ценности., 2003, с. 423–438). Обратим внимание на самые частотные ассоциации со словом «справедливость» – это «правда» и «честность» (Базовые ценности., 2003, с. 430). Можно предположить, что такое глубинное понимание (выявляемое ассоциативным методом) характеризует российский менталитет. Косвенным подтверждением служат результаты, полученные в исследовании социальных представлений о совести (Мустафина, 2012). Одним из методов, используемых в работе Л. Ш. Мустафиной, был метод французского исследователя П. Вержеса, направленный на выявление структуры социальных представлений путем соотношения частоты и ранга собранных ассоциаций. Выяснилось, что лидирующее место в ядре социальных представлений о совести у современной молодежи (студентов Москвы и Казани) заняла ассоциация «честность».

Опираясь на эту потребность в честности, присутствующую (хотя бы в виде стремления или идеала) в представлениях российской личности, мы обратились к собранным за последнее время свидетельствам: 1) о заметных массовых явлениях общественной жизни 2) и о том, какой отклик эти явления вызывают у их участников или свидетелей. Воспользуемся также словом «события», так как речь пойдет не просто о явлениях, а о событиях, в которых задействованы миллион (и более) человек. Наш выбор таких событий будет заинтересованным. Давно изучая роль нравственного идеала в российском менталитете (Воловикова, 2005), мы составили определенные приоритеты в том, что является или может являться для него созидательной силой. Неправда постперестроечных лозунгов должна обнаружиться именно вследствие этой непреодолимой тяги к правде и честности. Причем обнаружиться заметным образом, хотя и не повсеместным или тотальным отвержением привычного обмана.

У английского философа и писателя К. Льюиса в одном из сюжетов «Хроник Нарнии» есть такой яркий образ навязываемой неправды. Змея, принявшая образ прекрасной дамы, подавляя волю героев, заставляет их повторять, что не существует ничего истинного – ни солнца, ни неба, ни Творца этого мира. Неправда, повторенная много раз, становится привычной. Личности трудно сопротивляться такому массивному воздействию. Трудно, но возможно (как в конце концов удалось это сделать героям Льюиса).

Основная идея нашей статьи состоит в том, чтобы посмотреть, как на уровне личности переживаются некоторые из масштабных явлений, которые можно отнести к разряду «*макроявлений*». Материалом для проведения анализа послужили опубликованные или собранные нами воспоминания участников об этих событиях. А способ анализа – *макронсихологический* (по А. В. Брушлинскому, см.: Воловикова, 2003).

Мы хотим также осуществить свой поиск масштабных событий (макрособытий), происходивших в последние несколько лет, но пока не попавших в поле зрения психологов. Количественный критерий для включения какого-либо явления общественной жизни в наш анализ

прост. Учитывая масштабы нашей страны, это событие, охватившее миллион и более участников.

Сначала рассмотрим два таких события, близких по времени: принесение в Россию с Афона (монашеской республики в Греции) христианской святыни – Пояса Богородицы (октябрь-ноябрь 2011) и митинги, последовавшие после выборов в Государственную Думу РФ (декабрь 2011 и позднее).

Менее чем за два месяца святыне смогли поклониться почти четыре миллиона¹⁴ православных людей (или близких к православию) в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Владивостоке, Красноярске, Нижнем Новгороде, Дивеево, Саранске, Самаре, Ростове-на-Дону, Калининграде и в Москве. Люди приходили в очередь добровольно, по «велению сердца» и выстаивали ее ночью и днем, в мороз и в метель, сохраняя при этом спокойное (неагрессивное, «тихое») состояние, поддерживали друг друга, испытывали чувство радости и надежды (Писаревский, 2011). Так происходило во всех городах (если посмотреть на карту, то видно, что упомянутые города расположены на всей территории России – от востока до запада и от севера до юга). «Храбрые русские не боятся холода и снега, чтобы увидеть Пояс Пресвятой Богородицы, который находится в Москве», – с подобными заголовками в иностранной прессе выходили заметки о московских событиях (см.: Вологжанина, 2011). Отмечается также, что невозможно простоять из любопытства или каких-то несущественных причин 10, 15 (или даже 20!) часов (Писаревский, 2011). М. Вологжанина приводит слова паломницы: «Это ж прямо православная Русь». Таким образом, общим в данном событии, собравшем более 2 % населения РФ, является проявившаяся так явно любовь к святости. Не замечать ее как основу русского характера психологам после этих событий уже нельзя.

Для сравнения приведем свидетельства об эмоциональном настрое участников других массовых собраний – митингов после выборов руководства страны (в декабре 2011 – Госдумы, а в марте 2012 – Президента). В протестном (или, наоборот, поддерживающем) движении приняли активное участие сотни тысяч наших соотечественников в разных городах. Отметим характерные черты данных выступлений. Это их пока относительно мирный, не взрывной эмоциональный настрой, большая степень разобщенности при некоторой консолидации вокруг критики тех или иных идей или конкретных лиц. Эмоциональный настрой собрания на Болотной площади известный политолог Н. А. Нарочницкая определила как «состояние массового агрессивного пессимизма» и предупредила, ссылаясь на мысль, высказанную философом Астафьевым, что «одно из самых печальных и тяжелых состояний нации, когда она, не имея идеалов и положительных целей, не может четко сформулировать, чего она хочет, но точно знает, чего больше не хочет, в чем разочарована» (Нарочницкая, 2012, с. 1).

Идеал русских проявился на глубинном уровне во время такого массового и трудно объяснимого внешними причинами «стояния» для поклонения православной святыне. Мы видим также внутреннюю связь между этим событием и относительно мирным разрешением президентской выборной компании. Объяснить, в чем именно состоит эта связь, мы пока не можем, хотя предполагаем, что происходит процесс активного поиска нравственного идеала, вокруг которого может объединиться народ, и этот внутренний процесс временами достигает такой интенсивности, что становится заметным в массовых своих проявлениях. Четыре миллиона – это даже для многомиллионной России внушительная цифра.

¹⁴ Участвовавший в этом событии игумен Ефрем 7 июня 2013 г. сказал: «Несмотря на то, что прошло уже почти полтора года, еще свежи наши воспоминания о принесении в Россию Пояса Пресвятой Богородицы – самой значительной святыни Ватопедского монастыря. Честной Пояс пребывал в России в течение 40 дней. За это время святыня посетила 15 городов. Стечение верующих было настолько большим, что позволило считать его *самым большим мирным собранием народа XX и XXI веков во всем мире* (курсив мой. – М. В.). Почти четыре миллиона людей приложились ко Святому Поясу, и немало из них выстояли ради этого более чем 17-часовые очереди.» (Святейший Патриарх Кирилл поклонился святыням Ватопедского монастыря, 2012).

Отметим также, что организованная одновременно антикомпания в некоторых СМИ не способна была повлиять на стихийный процесс движения к святине. В жизни личности тоже бывают подобные моменты, когда проявляются подлинные ценности и мотивы. В этом случае человека трудно остановить в его движении к цели, он оказывается в состоянии совершить подвиг. Об этом много было сказано в литературе и психологических исследованиях советского периода, с концом которого сами верно подмеченные законы психической жизни не отменяются. У психологически здорового человека, хотя бы потенциально, должно присутствовать стремление к высшим ценностям, определяющим смысл его жизни.

При включении тех или иных явлений в поле зрения макропсихологического подхода нужно учитывать, что 1990-е годы в России отмечены не только развалом культуры¹⁵, образования, здравоохранения и даже обороноспособности государства, бурным ростом криминала, обнищанием населения и «сексуальной революцией». Последствия начатых тогда процессов сказываются в удручающей статистике показателей по асоциальному поведению. Но в те же 1990-е годы происходил другой процесс, связанный с духовным возрождением страны, с возвращением к тем ценностям, которые когда-то составляли духовную основу и фундамент государства российского. В этот процесс постепенно включалась часть наших сограждан.

Обратимся к опубликованным воспоминаниям, позволяющим увидеть «другие 1990-е» – для кого-то годы ясной юности с ее чистыми и светлыми устремлениями¹⁶. «Это было давно, в середине девяностых. В те времена русское православие усиленно возрождалось. Именно возрождалось, *само*, в душах людей и в сердце народа. Усердно восстанавливались сотни храмов и монастырей. Восстанавливались „сами“, потому что обескровленное на тот момент государство самое большое, чем могло помочь, так только тем, что перестало репрессировать священство и преследовать верующих» (Корнеева, 2011, с. 72). Далее автор вспоминает, что в тот период ей и ее друзьям было по 16 лет, а их романтикой были поездки в восстанавливаемые храмы, «на развалинах которых, по локоть в глине и по колено в грязи» они чувствовали себя нужными. «Беседы и совместный тяжелый труд, общие скудные трапезы, согретые сердечным теплом – вот то, чем мы жили, дышали. Время, когда никто из нас не говорил о деньгах и доходах, время, когда думали только о высоком, когда по-детски жили в идеальном мире, ставя очень высоко свои подвиги и достижения» (Корнеева, 2011, с. 71). Постоянный лейтмотив данных воспоминаний в обретении мудрости, вынесенной из этого юношеского опыта, т. е. понимания того, что, помогая другому (храму, человеку), ты помогаешь тем самым себе. Ключевое слово, наиболее часто используемое здесь автором – это «*нужность*». Когда молодой человек испытал чувство своей нужности другим, это в дальнейшем становится основой его жизненных выборов. И чем более широкий круг охватывает чувство нужности (от друзей и родственников – до храма и самого Творца), тем крепче становится эта основа.

Свидетельства, собранные нами в беседах с близкими знакомыми, подтверждают определяющее значение процессов, происходивших в 1990-е годы. Собеседники отмечали, что это было время личного выбора, причем, на первый взгляд, не столько духовного, а просто жизненного. Нельзя стало, как прежде, «немножко обманывать» (прежде на обман как бы провоцировало советское государство), а нужно было решиться: либо честность – либо обман. Нельзя стало «немного приворовывать» или «немного изменять». Нравственные заповеди вдруг ожили, четко обозначив выбор «или-или». Или честь, или бесчестье, а середины

¹⁵ То, что сейчас побеждает в «престижных» российских конкурсах, зачастую бывает непристойно и претендует на разрушение общественной морали. Примеров много. Нам бы не хотелось на них подробно останавливаться из-за естественного чувства безглицности.

¹⁶ Здесь стоит с благодарностью вспомнить о молодежных движениях 1960-1970-х годов. Отчасти подневольные, они использовали молодую энергию и юношескую устремленность к реализации идеала (тогда – коммунистического). И сколько же построенного «комсомольцами-добровольцами» служит последующим поколениям и работает до сих пор!

нет¹⁷. Позднее, с началом второго тысячелетия, картина, возможно, вновь стала размытой, но опыт ясности и определенности самого выбора остался и для многих людей определяет жизнь в современных условиях.

Есть правило, разработанное опытными в духовной жизни людьми. Речь идет о том, каким своим чувствам и ощущениям человеку следует или не следует доверять. Даже яркая радость может оказаться обманчивой. Но нужно, согласно самому простому правилу духовной безопасности, прислушаться к себе: если есть хоть какая-то взвинченность, беспокойство, сомнение, то задуманное дело лучше отложить; а тихая, радостная и спокойная уверенность, скорее всего, указывает на верно выбранное направление действий. Конечно, это самое упрощенное (и, возможно, не совсем точное) изложение правила, но и оно дает возможность хотя бы в приближенном виде представить условия творческого и ответственного отношения человека к духовной жизни.

«И вот когда изнутри такого опыта, в котором „за все заплачено“, человек начинает говорить о „мире невидимом“ как о само собой разумеющемся, он становится само собой разумеющимся и для читателя. Любой спор и недоверие почти автоматически обрекаются на глупость. Ты грешешь не против навязываемой тебе сверху истины, а против вкуса. Вкуса правды» (Степанова, Яковлева, 2011). Это слова одной из многочисленных рецензий, опубликованных на книгу-миллионник архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые», вышедшую в 2011 г. (Шевкунов, 2011). «Миллионник» означает тираж, превышающий миллион экземпляров, что в наше время малотиражных изданий является исключительным случаем. Причем данный тираж точно отражает читательскую потребность в простой книге о сложных законах духовной жизни. А тираж этот, учитывая уже изданные переводы на английский, французский и другие языки¹⁸, приближается к полутора миллионам, что само по себе уже является событием макромасштаба. Издание стало победителем конкурса «Книга года», но не это главное. Главное, что ее содержание каким-то образом объединило читателей, по-разному относящихся к церкви. Оказалось, духовные вопросы волнуют многих¹⁹.

На форуме²⁰ опубликованы многочисленные отклики читателей из разных точек страны и мира (кроме России, это США, Англия, Украина и др.). Для многих книга оказалась «открытием» родного православия. Читатели откликаются на честность и искренность автора.

Василий 12 марта 2013 г. оставляет запись: «Молодец! Трижды молодец автор! Спасибо за честность и открытость повествования. Легко и понятно. Честно и светло. Нет заумного прятанья за старославянскими текстами с элементами „глубинного“ заумствования и пошлого умничанья. Книга для современного человека, имеющего знания, опыт жизни и страстное желание поверить Богу! Я убедился в истинности православия еще раз». Анна 28 марта пишет: «... вот православие, как оно есть.».

¹⁷ Неожиданное подтверждение этой мысли мы встретили на одном из симпозиумов, организованных в рамках XVIII Международных Образовательных Рождественских чтений в 2011 г. Обсуждение ценностей современного российского общества собрало ученых (социологов, педагогов, психологов, историков) и представителей основных религиозных конфессий. Интересным наблюдением поделился с собравшимися один мудрый раввин: «В 1990-е годы, когда разрешили открыто верить, к нам хлынул людской поток. Но позднее, узнав о том, что вера сопряжена с выполнением определенных правил поведения, поток большей частью отхлынул обратно. Сейчас у нас не намного больше верующих, чем было в прежние годы» (записано по памяти. – М. В.).

¹⁸ К настоящему времени вышли уже английский, французский, греческий, сербский и румынский переводы.

¹⁹ «Решимость, открытость, великодушие, верность, чистота, способность к самопожертвованию, любовь горячая и живая – не это ли те качества, которые мы можем и должны ценить и сейчас, невзирая на прошедшие столетия и «новые стандарты», навязываемые нам адептами «постхристианской» культуры? Ведь именно эти – лучшие – качества души, освященные благодатью, делают нас участниками высшей правды, делают нас участниками Божеского естества. И высшей радости, высшей надежды, высшей цели у народа нашего нет и быть не может. Всё остальное может быть лишь следствием этого – главного – выбора» (Шишкин, электронный ресурс).

²⁰ Форум размещен по адресу: <http://www.ot-stories.ru/comments.htm>.

Анализ записей, оставленных на сайте только с начала текущего (2013) года, позволяет говорить о мировоззренческом значении книги. После революции на протяжении более чем семидесяти лет делались огромные усилия для замены православного миропонимания официальной идеологией. И многое в этом отношении сделать удалось. Выросли новые поколения российских людей с предвзятым отношением к любой религии. Когда в 1990-е годы быстро и почти мгновенно рухнула советская идеологическая система, обнаружился сильный мировоззренческий голод и связанные с этим проблемы (рост преступности, суицидального поведения, алкоголизация и наркотизация населения). Храмы открывались, но и в них люди приносили проблемы, накопленные за предыдущие годы (прежде всего, «революционную» привычку искать причины всех бед в других, а не в себе). Однако потребность в правде, порядочности и доброте оставалась и ждала своего часа.

Миллионы читателей встретились с хорошей и искренней книгой, повествующей о традиции, большинством забытой, но сохраненной в отдельных островках православия, самым могучим из которых оказался Псково-Печерский монастырь, никогда не закрывавшийся²¹. Автор книги воспитан духовной традицией этого монастыря. Ею он и руководствуется в своих рассказах – остроумных, искренних, простых, близких читателю (в том числе и читателю с еще не оформившемся мировоззрением).

Валентина 3 марта оставляет на форуме запись: «Я – человек далекий от церкви, к большому сожалению, но думаю, что знакомство с книгой „Несвятые святые“ – крошечный шаг навстречу Богу. Некоторые главы читала своему 12-летнему сыну, современному, компьютерному ребенку, ему очень понравилось». Елена 14 апреля восклицает: «Мир внутри перевернулся!». Близко к этому высказывание Артемия (1 мая): «Прекрасная книга. Думаю, она сыграет важную роль в моей жизни». Надежда Кожевникова 23 марта пишет: «Книгу прочитала за несколько часов. Буквально вчера. В поезде. Хотелось, чтобы она никогда не заканчивалась. Прекрасное чувство радости и покоя посетило меня. Раньше (по глупости и незнанию) я утверждала, что Вера и Религия, мол, разные вещи. Мол, церковь – это только свод никому не нужных правил и запретов. Сейчас все встало на свои места. Я многое поняла. Хотя, знаю, что еще многое надо понять».

Упомянутые чувства радости, покоя (а также тепла, мира, света) – наиболее часто встречаются в откликах. Это работа духовной интуиции, определяющей, в конечном итоге, выборы и предпочтения человека.

А. Ф. Лосев определял религию как утверждение личности в вечном бытии и говорил о том, что задача личностного бытия в установлении степени соответствия текущей эмпирии личности с ее идеально-первозданной нетронутостью (Лосев, 1990). Согласно традиции отечественной гуманитарной мысли, принято различать в личности ее «текущую эмпирию» и «изначальный идеальный архетип» (А. Ф. Лосев), «метафизическое ядро» и «эмпирический центр» (В. В. Зеньковский), «духовное я» и «наличное я» (Т. А. Флоренская). Лосев выделяет момент, когда происходит «диалектический синтез двух планов личности, когда она целиком и насквозь выполняет на себе лежащее в глубине ее исторического развития задание первообраза» (Лосев, 1990, с. 550).

Условия для такого «диалектического синтеза двух планов личности» в разных исторических эпохах отличаются, поскольку основа для обретения личностью внутреннего единства напрямую зависит от нравственного состояния – прежде всего, самого человека, но также и общества. Когда меняются местами понятия «добро» и «зло», «верх» и «низ», «добродетель»

²¹ После революции монастырь оказался за границей, утвержденной Брест-Литовским договором, в войну было не до его закрытия. А уж как удалось сохранить его в годы хрущевских гонений, об этом можно прочитать в книге «Несвятые святые», в главе «Великий Наместник». Следует также добавить, что из Ново-Валаамского монастыря Финляндии в монастырь прибыли знаменитые Валаамские старцы (в 1930-е годы изгнанные из российского Валаамского монастыря в момент его закрытия).

и «грех», такое состояние общественной жизни представляет угрозу для здорового развития личности.

Когда-нибудь появятся фундаментальные исследования последствий разрушающего воздействия на сограждан отечественного телевидения, начиная с 1990-х годов. Надо понимать, что советский период приучил граждан доверять СМИ. Точнее, граждане научились вылавливать правдивую информацию из отечественных СМИ, проводя свой «контент-анализ». Один из ярких примеров – отмена на ТВ трансляции концерта на день милиции в день смерти Брежнева. О смерти генсека объявлено было значительно позднее, а народ уже «знал» на основе только этой детали – изменения телевизионной программы. Жесткая цензура, царившая на телевидении, касалась не только политики, но и сферы искусства. Это было славное время господства на всех каналах русского языка, национальных языков российских народов, фольклора и качественной эстрады.

В 1990-е появились реалити-шоу, не прошедшие этическую проверку, а эстрада сначала перешла на язык другой страны, а затем появились всякие фокусы с заменой живого звука «фанерой». О ценностях, декларируемых с голубого экрана, лучше не вспоминать. Достаточно сказать, что для пиар-компаний широко используются примеры аморального поведения, создается впечатление, что главная задача организаторов не столько в «раскрутке» артиста, сколько в том, чтобы приучить постепенно слушающую и смотрящую аудиторию к «перевернутой» в этическом отношении вселенной.

Но этот «эксперимент» дал неожиданный результат и позволил подтвердить все то, что о законах становления личности говорили наши выдающиеся гуманитарии. Личность не может удовлетвориться некачественным в этическом или эстетическом отношении материалом, даже если выбора нет. Когда же появляется что-то стоящее, следует мгновенный отклик, и он носит ярко выраженный массовый характер.

Еще одно событие, количество участников которого составило несколько миллионов, – это проект первого канала ТВ «Голос». Проект придумали в одной из северных европейских стран (кажется, в Голландии), но у нас он дал неожиданные результаты, главный из которых – необычайная массовость участников и стойкий интерес зрителей на протяжении всех этапов проекта (а не только первого, как у голландцев, связанного со «слепым» прослушиванием исполнителей). В качестве экспертов и «наставников» выступили прежние маргиналы от эстрады, те, кто всегда был «не в общем потоке» современной попсы. Со слов А. Б. Градского, основным мотивом его участия в проекте и было остановить «эстрадный беспредел», изменить ситуацию на телевидении. И это удалось сделать, а опубликованные в интернете отклики позволяют посмотреть на явление с точки зрения самой этой зрительской аудитории – со стороны личности.

Прежде чем перейти к анализу этого обсуждения, остановимся на самом названии проекта. Голос – это выразитель душевного состояния человека. В голосе особенно проявляется искренность, а также чувствуется фальшь. Пению в культуре каждого народа принадлежит особое место. Русские в прежние времена были «певческим народом». Что-то от прежней культуры и после эпохи «поющих магнитофонов» должно было сохраниться, хотя бы в виде эстетических предпочтений.

Мы опускаем весь поток обсуждений конкретных исполнителей, опубликованный на сайте Проекта, но сделаем несколько обобщающих наблюдений и выделим те высказывания, которые существенны для нашего анализа.

Наблюдение первое. Многие признавались, что давно уже не смотрят телевизор. Это здоровый ответ личности в связи с интенсивным давлением телевидения на ее вкусы, предпочтения, на нравственный и эстетический выбор. Можно нажать кнопку «выкл.». И так, судя по обсуждению, игнорируя телевидение, прежде поступали многие до того, как от знакомых услышали об интересном и свежем проекте.

Данилов (город не указан) 23 декабря 2012 г. записывает: «Люди хотят очищения, катарсиса, чего-то высокого, не только того, что бьет по башке и ниже пояса». Люба из Тулы 15 декабря 2012 г.: «На самом деле, такое удовольствие, когда никто не прыгает по сцене в перьях и полуголым. Просто наслаждение, когда вы заполняете собой весь зрительный зал без всяких подтанцовок и идиотских кривляний, когда смотришь и слушаешь и оторваться не можешь! Спасибо всем большое (я имею в виду и наставников)!». Лола из Москвы тогда же записывает: «Почувствовала, *как* изголодалась по хорошим голосам, настоящим талантам на сцене!».

Наблюдение второе. Ожидание и надежда на изменение ситуации и на телевидении, и в эстраде, да и в стране не оставляла наших согражд дан. Причем ситуацию они понимают очень глубоко.

В. М. Денисов 30 января 2012 г. оставляет запись: «Голос как глоток свежего воздуха. Может быть, наш народ вновь станет петь? А для этого надо свободно вздохнуть и самостоятельно выбирать, кого хочет, и слушать, кого хочет. Спасибо первому и голландцам.». Людмила из СПб 15 января 2012 г. пишет: «Спасибо за праздник, за радость, за гордость за свою страну и таких замечательных людей.».

Есть и более далеко идущие выводы – о связи состояния культуры с благополучием страны. Зайцева Лена из города Энгельса 15 декабря 2012 г. оставляет запись: «Проект Голос – это великое возрождение России!.. Мы пробуждаемся ото сна. Так устали за эти десятилетия от нашей навязанной эстрады, от этих безголосых, фанерных звезд. От искусственного глянца, искусственного тела, от дешевой скандальности. Теперь, видя ребят, поющих на проекте, мы просто слушаем их чудесный, волшебный голос. Мы возвращаемся к истокам советского времени, когда певцы не делали лишних движений, а просто пели, и их, затаив дыхание, слушали. Это новое и давно забытое чувство, когда мурашки бегут по телу, и спирает дыхание и хочется плакать. Я теперь не смогу и не хочу видеть и слышать наших зазвездившихся звезд, это какая-то злая, нелепая и смешная пародия на то, что нам довелось услышать в Голосе!».

Наблюдение третье. Навязанный СМИ образ страны и ее граждан не выдержал критики после первого же добросовестно сделанного серьезного проекта на ТВ. Среди победителей зрительского голосования татарки, армяне, русские. Зрители радовались появлению в конкурсе грузин, узбечки. Ксенофобия в результатах голосования никак не проявилась (первое и второе место досталось татаркам, третье – русской, четвертое – армянке). Пошлость не принималась даже в микродозах. Похоже, постперестроечные годы выработали к ней иммунитет, т. е. полное отторжение даже на дальних подступах. Конечно, речь идет о тех, кого интересует музыкальная и певческая культура. Это не общая характеристика населения страны, но ее массовое проявление. Судя по цифрам голосования, это около двух миллионов человек.

Наблюдение четвертое. Обнаружилась потребность возвращения к родному языку. В 1990-е годы английский язык безо всякого сопротивления победил на эстраде русский и другие национальные языки. Сейчас наметилась тенденция к изменению ситуации. Господствующий в эфире язык – это очень важно и для развития личности, и для сохранения государства.

Во многом наметившиеся тенденции являются результатом активного выбора на уровне личности. Прежде всего, это сказалось в непринятии взрослыми и серьезными людьми того интенсивного давления, которое оказывалось последние двадцать лет на них с помощью СМИ и, прежде всего, телевидения. Газеты перестали выписывать. Телевизор предпочитали выключать.

Другое дело, то поколение, которое подрастало в течение этого двадцатилетия. Для них компьютер привычнее телевизора, и то, что творится с выбором и предпочтениями в интернет-сетях, требует специального исследования. Там тоже речь идет о миллионах участников, которые могут поделиться своими впечатлениями о пребывании в интернет-пространстве, чтобы рассмотреть макрособытие на микроуровне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.